

Нестеров Михаил

15.3.02
(142)

Димитрий - царевич убиенный

Владимир
ОБУХОВ.

Более пяти столетий прошло с того дня, когда в Угличе погиб самый младший сын Иоанна Грозного - юный царевич Димитрий. До сих пор не очень-то понятно, что случилось тогда - то ли мальчик был убит по тайному приказу Бориса Годунова, то ли он сам ненароком, во время болезненного припадка, закололся ножом... Но так уж вышло, что в народном сознании - да и в суждениях многих историков - трагедия эта связалась с последующими страшными событиями. Смерть последнего законного наследника престола стала прелюдией Смутного времени - кровь, пролитая в Угличе, обернулась вдруг кровавыми реками, которые потекли, разлились по всей Руси.

С годами событие это превратилось в легенду, жуткую и красочную, на свой особенный лад поэтичную. Она же в свою очередь увлекла воображение Михаила Нестерова, лиричнее живописца, - в пору его удачливой, но многотрудной молодости. Летом 1895 года, побывав в ярославских и владимирских городах и всея, он пишет приятелю своему Турьгину: «Углич имеет свою прелесть по своей трогательной легенде об убиенном царевиче Димитрии». А спустя четыре года возникает картина, названная Нестеровым «Димитрий - царевич убиенный».

Сам художник трактовал этот образ как очень интимный, в высшей степени камерный: «Жалость к убиенному царевичу-ребенку должна быть разделена с жалостью к великому страданию, великой тайне, горю матери, потерявшей лелеемую ею лучшую часть души своей, душу ее ребенка, существа, еще не опороченного, еще идеального, еще святого». И добавлял: «Св. Димитрий - царевич убиенный» есть повесть скорбной, трагически уми-

ленной души матери со всей материнской - Божественной и плотской природы ее».

Популярной картина была чрезвычайно. Нестеров отмечал, что среди его работ она наиболее ценная - после «Отрока Варфоломея». Да и сам он ставил ее на второе место в ряду лучших своих картин. И горделиво писал в своих «Воспоминаниях»: «Картину эту даже дягилевцы (то есть деятели враждебного ему «Мира искусства»)... не решались браковать».

В 1910 году «Димитрий - царевич убиенный» был приобретен Императорским Русским музеем. Казалось бы, в истории создания этого образа поставлена точка: работа навсегда покинула мастерскую художника, никогда после этого не переписывалась, не переделывалась. Но проходит четверть века, и в 1924 году Нестеров пишет повторение давней своей работы. Им создается та самая картина, которая хранится и постоянно экспонируется ныне в Калужском областном художественном музее.

Почему же художник вновь принялся за старый сюжет? Отчасти, видимо, по причинам, вполне прозаическим, бытовым. К новой вла-

сти Нестеров относился отнюдь не дружественно и не скрывал этого, а потому был лишен в ту пору государственных заказов и жил в нищете. Если кто и покупал изредка его работы, то это были люди старорежимные - «осколки империи». В таких условиях естественно было написать повторение картины, этой публике памятной, ею любимой.

Думаю, однако, что был тут и другой побудительный мотив, не менее важный. Только что художник вместе со всей страной пережил новое Смутное время, когда весь народ русской кровью умылся. В разгар гражданской войны были расхищены эскизы и рисунки Нестерова, его библиотека, его архив. Погиб от сыпняка сын художника - Михаил. И сокрушена была Российская империя - а вместе с нею, как казалось тогда, та Святая Русь, которая была смыслом и движителем всей жизни Нестерова, его искусства.

Поэтому новая картина не могла стать и не стала копией «Димитрия царевича» из Русского музея. Та же композиция, но сама живопись все же несколько иная. Более обобщенная. Более строгая. И, пожалуй, более одухотворенная.

Глядя на эту картину, ощущаешь жалость не только к несчастному царевичу и его матери, но и ко всей православной Руси, принесенной в жертву новомодным идеям. И потому образ, созданный умудренным жизнью художником, кажется уже не столь камерным - в художественном повествовании, в основе своем лирическом, начинают пробиваться эпические ноты.

Может показаться, что написанная картина несколько вяло, что краски глуховаты. Но более энергичная, более звонкая живопись была бы в этом случае просто неуместна. Целью художника было развоплотить изображение: березки - полупрозрачны, парящая фигурка царевича - невесома... Тут не «материя», тут - душа.

Напомню: в начале двадцатых годов в советском государстве даже искусство - само по себе! - было под подозрением (а не скрытая ли это форма контрреволюции?). А тут - «царевич убиенный!» А тут - зримо явленная душа старой, «поповской» России!

Прошло некоторое время - и новые власти вдруг возлюбили Нестерова (смешно сказать - за «реализм!»). Но и тогда старый уже мастер ничуть не переменялся. Не стал гнуть спину - даже из естественного чувства благодарности за обрушившиеся на него житейские блага. В 1936 году Комитет по делам искусств задумал устроить грандиозную выставку работ Нестерова. И вот что пишет по этому поводу Плутону Керженцеву, председателю комитета, художник: «Моя выставка имела бы смысл лишь тогда, когда могла бы появиться моя большая, написанная в 1916 году картина «Крестный ход», но время для ее появления, полагаю, еще не настало, и я ни в каком случае не решусь дать эту картину на выставку, если на то не последует согласия И.В.Сталина, а он год тому назад обращавшимся к нему в этом отказал... Без большой же картины нет нужды делать выставку...»

Картина, обозначенная в письме как «Крестный ход», имеет вообще-то другое наименование - «На Руси (Душа народа)». Это работа, программная для всей новорусской православной живописи. Предложение экспонировать ее (а Нестеров писал далее: «Если паче чаяния И.В.Сталин разрешит выставить большую картину...») в разгар ежовской «безбожной пятилетки» звучало прямо-таки издевательски. Кругом храмы взрывают, священников зверски изничтожают, даже верных ленинцев-сталинцев в лагеря лишь за то отправляют, что недостаточно долго в ладоши хлопал в честь дорогого вождя, а Нестеров ультиматум ставит фактически самому «И.В.Сталину».

Какой человек!

обширная (прил. к 102. Вост.) - Калуж. муз. - 15 марта 1982 - 107